

УДК 811.161.1:161.26

И. Ю. Кукса

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МОДАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
«ЛЕКСИЧЕСКИЙ МОДИФИКАТОР + ЗАВИСИМЫЙ ИНФИНИТИВ»
В ТЕКСТАХ ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ**

14

На материале отечественных периодических изданий первой половины XVIII в. рассматриваются лексические модальные модификаторы, реализующие в сочетании с зависимым инфинитивом значения ситуативной модальности; выявляется текстовая специфика данных модификаторов, заключающаяся в их способности выражать субъективно-модальные оценки авторов газетных текстов.

On the basis of Russian periodicals of the first half of the 18th century, the author considers lexical modal modifiers that convey situational modality meanings in combination with a dependent infinitive. The article identifies the specific features of such modifiers, namely, their capacity to express subjective-modal evaluations of newspaper text authors.

Ключевые слова: ситуативная модальность, модально-оценочные значения, лексические модальные модификаторы, газетный текст, история отечественной периодики.

Key words: situational modality, modal-valuation meanings, lexical modal modifiers, newspaper text, history of Russian periodicals.

При описании средств выражения значений категории модальности в русском языке, в том числе значений ситуативной модальности¹, которая предполагает наличие семантического звена, координирующего связь субъекта и действия (т. е. называет определенные предпосылки именуемого в рамках предложения (высказывания) события: его возможность, необходимость или желательность), исследователи традиционно концентрируют внимание на специализированных словосочетаниях, включающих лексические модификаторы (модальные глаголы и предикативы) и зависимый субъектный инфинитив (см., напр.: [2; 6; 7]). Такая традиция, идущая от В. В. Виноградова [5, с. 58], вполне закономерна, поскольку лексические экспликации *мочь, хотеть, желать, можно, нельзя, необходимо, нужно, надо* и другие составляют центральную (ядерную) часть плана выражения соответствующих модальных значений. При этом следует подчеркнуть, что, выступая в роли конкретизатора номинируемого в предложении объективного события с точки зрения его возможности, необходимости или желательности, данные лексические средства способны передавать и субъективно-модальные значения. Такая способность рассматриваемых модальных модификаторов, базирующаяся, по мнению авторов «Русской грамматики», на

¹ В иной терминологии — предметной, внутрисинтаксической, внутренней (см. об этом: [2]).

представленности в их семантике «личного, субъективного отношения к чему-либо» [7, с. 215], особенно отчетливо прослеживается в тексте. «Как только предметом рассмотрения становится текстовая модальность, стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие», — отмечает Л.Г. Бабенко [1, с. 134]. При этом «средства выражения значений ситуативной модальности (модальные глаголы и предикативы) в рамках текста утрачивают свою непосредственную пропозициональную (номинативную) функцию и начинают выполнять модально-оценочную функцию, т.е. функцию экспликаторов значений субъективной модальности» [3, с. 47].

В текстах газет выражение субъективно-модальных смыслов, в том числе посредством сочетаний модальных глаголов и предикативов с зависимым инфинитивом, во многом основывается и на авторской интенции, на намерении автора представить «положение дел» (факт, событие) не только — а порой и не столько — с точки зрения временного фактора (произошло, происходит или произойдет), но и с точки зрения его возможности / необходимости / желательности. В ряде случаев избржаемое квалифицируется как возможное / необходимое / желательное на основе мнений экспертов, профессионалов, статистики, аналитики и проч. Порой же подобная квалификация обусловлена мнением самого автора газетного текста, что становится в определенном смысле актуализатором соответствующих субъективно-модальных значений.

Подобная ситуация типична для первых российских периодических изданий — газет «Ведомости времени Петра Великого» и «Санкт-Петербургские ведомости», — которые чаще всего в истории журналистики обозначаются как официально-казенные и информационные издания. Такой характер газет, в свою очередь, обусловил и другие их параметры, например отбор материала, приоритет новостей внутриполитического и международного характера, а также придворных новостей, стандартизацию способов передачи информации и др. При этом позиция автора текста даже в условиях его формальной анонимности (одной из заметных примет которой является отсутствие самоидентификации автора в виде привычного для современных газет сообщения его персональных данных — имени и фамилии либо псевдонима — и использование известной неопределенно-личной формулы при сообщении новостей: «Из... пишут...», не единственной, но распространенной, особенно в петровских «Ведомостях») в период формирования отечественной печатной периодики подчас достаточно заметна.

Наиболее часто в первых российских газетах авторы новостей стремятся обозначить возможность, с их (субъективной) точки зрения, совершения действия / изменения положения дел:

Плывущий из Ладожского озера лед в сей неделе некоторое помешательство чинить мог (СПбВ); Англинской флот держит пристань Мессину в облежени, так что ни один Гишпанский корабль не может оттоль вытти, ниже туды войти (В); И можно из Тобольска туда почитай весь путь водою иметь (СПбВ); Итак, гром, сколь он ни страшен, может быть удовольствием и поте-

хою (СПбВ); Он всегда о том старался, дабы никаких иных на амвон не пускать как таких, на которых ум и разум *надеяться можно* (В); Такое множество руд сыскано, что *надеяться можно* ежегодно около 1000 пуд чистой меди *выплавить* (СПбВ).

Как видно из приведенных примеров, модальный глагол *мочь* и модальный предикатив *можно* в качестве экспликаторов модального значения возможности подчеркивают недостаточную уверенность автора в обязательном совершении потенциального действия, номинируемого зависимым инфинитивом. Вместе с тем из контекста очевидно, что отправитель информации тем не менее пытается обосновать его вероятность, описывая условия, которые эту вероятность предопределяют: найдено столько руды, что выплавка 1000 пудов меди вполне вероятна, а лед — действительно серьезное препятствие для судоходства.

Кроме того, субъективно-модальное значение уверенности актуализируется и с помощью глагола *надеяться*, который, по данным словарей, имеет значение «верить, уповать, не сомневаться, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего *желанья вероятным*» (Сл. Даля), «полагаться на кого-, что-л., быть уверенным в ком-, чем-л.» (МАС).

Реализации значения уверенности (пусть и не самой высокой степени) могут способствовать и лексические элементы контекстного окружения, например: «**Всяк беспристрастный** *познать может*, что Его Величество в сей войне имеет великодушные и умеренные поступки» (В). Употребление местоимения *всяк* в приведенном примере подчеркивает массовый характер субъекта действия (*познать может каждый, любой*), а вполне осознанно включая в предложение атрибутив *беспристрастный*, автор фактически устанавливает зависимость совершения обозначенного инфинитивом действия от наличия определенных качеств (способности быть беспристрастным, независимым при оценке коронованных особ) субъекта. Это, в свою очередь, определяет перемещение одного из ядерных средств выражения значения ситуативной модальности как составной части модальности пропозициональной (объективной) в смысловую сферу модальности субъективной. Налицо авторское стремление убедить читателя в том, что поступки Его Величества действительно «умеренны и великодушны» и не признать это — значит отнести себя к персонам небеспристрастным, во-первых, и вывести себя за пределы общего круга, во-вторых. Таким образом, использование целого арсенала лексических средств, среди которых немаловажным оказывается модальный глагол *мочь*, становится основой для применения коммуникативного тактического приема, в современной коммуникативистике получившего название «подмазывание аргумента». Ср.: *Вы, как человек умный, не можете не признать...* (т. е. если не признаешь — значит, умом не отличаешься). Очевидно, что подобный тактический прием по воле автора призван обеспечить достижение его целевой установки.

Значение невозможности в текстах первых российских печатных изданий преимущественно реализуется посредством конструкций с модальными предикативами *невозможно, не можно (не можно)*:

По той линии крепости сделаны и в них гарнизоны быть имеют, в такой силе, чтоб кубанцам *проходить* в рубежи Российские *было невозможно* (В); Способнейшего места к торгам *невозможно сыскать* (СПбВ); И ничего *не можно* в город *привести*, чаем, что они в Нарве в великом утеснении живут (В).

Модальные предикативы, выражая обобщенное модальное значение «не иметь возможности/не быть в состоянии выполнить действие», номинируемое зависимым инфинитивом, благодаря содержанию контекста способны акцентировать определенную степень уверенности автора сообщения в выполнении действия, номинируемого зависимым инфинитивом. В первом из приведенных примеров соответствующую актуализирующую функцию выполняет словосочетание *в такой силе*, во втором — прилагательное в превосходной степени *способнейший*, а в третьем примере актуализатором значения указанного субъективно-оценочного значения является содержание придаточного предложения.

Автор может актуализировать отсутствие условий (возможности) для выполнения действия, подчеркивая незнание деталей, отсутствие некоторых достоверных сведений:

В сие сражение побито неприятелей около редутов 301 человек, да в погоне пехотою более 1000 человек, и гусарами 800, кроме тех, коих по сторонам и буеракам *перечесать было не можно* (СПбВ).

Причем показательно, что речь здесь скорее идет о так называемой субъективной (не)возможности, поскольку обобщенное модальное значение возможности выступает в частной разновидности «не быть в состоянии выполнить действие по причинам физического и/или психического характера».

Иногда газетный текст отражает такую коммуникативную ситуацию, когда роли автора текста и участника событий совпадают, при этом оценка действия как невозможного косвенно сопрягается со значением категорической достоверности и высокой степени уверенности, поскольку формулирует эти оценки очевидец. Например: «Бедственного нашего состояния никак *описать не можно*» (СПбВ). По сути, подобный «эффект включенности» и тактический прием «свидетельство очевидца» несут в себе прообразные черты жанра «репортаж».

Следующими по частотности в газетах периода становления отечественной журналистики оказываются конструкции с лексическими экспликаторами модального значения желательности. Это значение, выступающее в своих частных семантических разновидностях (желание, интенсивное желание, намерение, попытка — см. об этом подробнее: [2]), реализуется в исследуемых газетных текстах преимущественно с помощью собственно модальных глаголов *хотеть*, *намереваться* (*намериться*) и предикатива *намерен* в сочетании с зависимым инфинитивом.

Подчеркивая заинтересованность самого субъекта действия в его совершении, автор газетной публикации имплицитно формирует у читателя доверие к излагаемым сведениям. Однако квалифицировать их с точки зрения достоверности чаще всего сложно, поскольку, несмотря на то что осуществление намерений государственных/общественных деятелей вполне ожидаемо, оно отнесено к плану будущего, а значит, вполне может не состояться:

Король швейцарский ныне *намерился* с соединенными в великой польше, и с кардиналом примасом мирный договор *учинить* (В); Во вторник прибыл сю-

да Светлейший Принц Баденский из Рима для смотра сего города, и *намерен* он путь свой в Турин и в Париж *предпринять* (СПБВ); ... Их Римско-Императорских Величеств действительный камергер, полковник пехотного полку и кавалер немецкого ордена господин Карл, священной Римской Империи граф Коллоредо в скором времени *намерен* в Вену *ехать* (СПБВ).

В ряде случаев подобная модальная семантика передается также посредством сочетания «существительное *намерение* + глагольная форма»:

Ганноверский резидент же, господин Вебер, взяв потребные пашпорты, поехали в Ревель *с намерением* тамо *быть* все время сей компании (В). Но при том все милостивейше **обнадежил**, что Его Цесарского Величества высокое *намерение* к тому *склоняется*, дабы королевства и области и впредь в мире и покое содержать (В).

18

При этом интересно отметить, что употребление во втором из вышеприведенных примеров формы глагола *обнадежить*, деривационно и семантически связанного с существительным *надежда* («ожидание чего-л. желаемого, соединенное с уверенностью в возможности осуществления» – МАС), усиливает уверенность автора в том, что описываемое им событие произойдет.

Эффект достоверности сообщаемого возникает и в тех случаях, когда автор сообщает читателям о прошедших событиях, при этом порой снова обнаруживается ситуация «свидетельство очевидца», когда роли автора газетного текста и участника событий совпадают (второй пример):

Но однако ж комендант *не хотел* ворот *отворить*, (тогда) горожане разбили ворота, чтобы спастись через реки (СПБВ); Третьего дня полковник фон Тренк прибыл к здешнему городу с корпусом пандуров, а понеже мы *сдаться не хотели*, то начал он по нас производить пушечную стрельбу (СПБВ).

Иногда, напротив, автор подчеркивает некоторую недостоверность имеющихся у него данных, которые он тем не менее считает нужным донести до сведения целевой аудитории. Для этого он использует средства (в приведенном ниже примере – вводное предложение) с общим значением «ссылка на источник информации», при этом сам источник не назван, скрыт, обозначен неопределенно-личной формой:

Как говорят, *хочет* кардинал Косция от всех дел *отстать* и по совету некоторого иезуита отца Редды свое житие в одиночестве при святых молитвах *окончить*» (В).

Поскольку идентифицировать источник информации невозможно, читатель вправе считать источником, с одной стороны, слухи, с другой – некое общественное мнение. Главное здесь то, что автор считает необходимым маркировать не проверенную им информацию с помощью специальных средств, предоставляя возможность читателю составить собственное мнение о прогнозируемом событии.

В более редких случаях средством передачи субъективно-модальных значений выступают в текстах газет рассматриваемого периода не-

собственно модальные глаголы *приготовляться*, *радеть*, предикатив *готов*, выполняющие соответствующую модальную функцию лишь при употреблении в сочетании с субъектным инфинитивом [4, с. 34]:

Из Бреслава пишут, что граф Фончернин *приготовляется* («намеревается, имеет намерение, хочет, желает». — И. К.) вскоре как Цесарской посол в Париж *отъехать* (В); ...и *радеет* король польский союз с Москвою *совершить* (В); ...и верно, что соединенные *радеют* мирное дело к ползе Речи Посполитой *совершить* (В); ...лесные стрелки и полевые охотники *готовы стоять*, чтоб всем силам неприятельским отпор учинить (В).

Квалификация данных лексических модификаторов как средств выражения субъективно-модальных значений поддерживается их семантическими и деривационными связями. Так, глагол *приготовляться*, зафиксированный в исторических толковых словарях со значением «внутренне готовить себя к чему-л., настраивать себя на что-л.» (Сл. Срезневского, Сл. РЯ XI — XVII вв.), соотносится с глаголом *готовиться*, одним из основных значений которого в Сл. РЯ XVIII в. указывается значение «замышлять что-либо, намереваться» (ср. значение глагола *готовиться* в МАС — «делать приготовления к чему-л.; намереваться что-л. делать»). Глагол *радеть*, зафиксированный в Сл. Срезневского (в древнерусской огласовке *радигти*) и Сл. РЯ XI — XVII вв. со значением «заботиться», в толковых словарях современного русского языка отмечен как устар. со значением «заботиться о ком-, чем-л.; проявлять усердие, старание по отношению к чему-л.» (СТС).

В качестве наиболее частотных средств выражения модального значения необходимости/долженствования, также выполняющего в рассматриваемых газетных текстах субъективно-оценочную функцию, выступают в сочетании с субъектным зависимым инфинитивом предикативы *принужден*, *должен*, несколько реже — безличный глагол *надлежит*, в более редких случаях — предикатив *положено* и адвербиализованное существительное *нужда*:

Сего дня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя zelo по достоинству держалась, однако ж *принуждена была уступить*, токмо ж с великим убытком неприятелю (В); Но все Его Царского Величества победоносному оружию *сдаться принуждены* (В); ...и хотя свейская пехота на сей стороне реки на московские войска и стреляла, однако Москва такой натиск на них учинила, что шведы *принуждены бежать* (В); Поскольку из проволоки происходят подлинныя электрические силы, то от сих искр *должен* спирт винный самый крепкий, нефть и прочее *загореться* (СПБВ); Что, поелику дело его по сему предмету производимо было в присутственных местах Новгородской губернии и решено было прежде бывшею Палатою Уголовного суда, то и *должен* он *оставаться* довольным решением упомянутой Палаты (СПБВ); Иноземные послы zelo досадают, что в их посольстве секретарь из обоза свейскаго никакой ведомости не получил, а им *ехать* *надлежит* на сейм в Люблин (В); Нашему городу *положено* шведом на три срока тридцать тысяч ефимков *платить* (В); В предисловии о том была речь, что любить Бога и ближнего не достаточно словом и языком, но *нужда* *есть* самым делом и истинною [любить].

Таким образом, лексические модальные модификаторы в сочетании с зависимым инфинитивом способны выполнять функцию обнаруже-

ния фигуры автора в газетном тексте, выражения в ряду других средств его коммуникативных тактик, а их употребление обеспечивает полноценность и адекватность восприятия авторских интенций массовым читателем.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 09-06-00172-а.

Список сокращений

В — *Ведомости* времени Петра Великого. Вып. 1. М., 1903.

СПбВ — *Санкт-Петербургские ведомости* // РГБ. Фонд газет.

МАС — *Словарь* русского языка: в 4 т. М., 1981—1984.

Сл. Даля — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978—1980.

Сл. Срезневского — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М., 1958.

Сл. РЯ XI—XVII вв. — *Словарь* русского языка XI—XVII веков. М., 1975—2008. Вып. 1—28.

Сл. РЯ XVIII в. — *Словарь* русского языка XVIII века. Л., 1984—1998. Вып. 1—12.

СТС — *Современный* толковый словарь русского языка. СПб., 2003.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // *Оценки и ценности в современном научном познании*: сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 133—142.

2. *Ваулина С.С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.). Л., 1988.

3. *Ваулина С.С.* Функциональная специфика модальной семантики в тексте // *Tekst jako kultura, jako tekst: Materiały międzynarodowej interdyscyplinarnej konferencji naukowej*. Gdańsk, 2010.

4. *Ваулина С.С., Кукса И.Ю.* Глаголы как экспликативы субъективно-модальных значений (на примере реализации значений уверенности / неуверенности в русских газетных текстах XVIII—XIX вв.) // *Слово в языке и тексте*: сб. статей к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград, 2011.

5. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Виноградов В.В.* Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

6. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

7. *Русская грамматика*: в 2 т. М., 1980. Т. 2.

Об авторе

Ирина Юрьевна Кукса — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: ikuksa@kantiana.ru

About author

Dr. Irina Yu. Kuksa, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: ikuksa@kantiana.ru